

E $\frac{98}{256}$

1878

98
6 256.

ЮГСКІЕ ШЕРСТОБИТЫ.

Ярославль.
ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ.
1878.

Типографія Губернской Земской Управы.

1878.

ЮЛСКИЕ ШЕРСТОБНЫ.

Дозволено цензурою. Москва. 8-го февраля 1878 года.

2010513548

8781

ЮГСКІЕ ШЕРСТОБИТЫ.

На самой сѣверной окраинѣ Пошехонскаго уѣзда, по круто-берегой рѣкѣ Югу, раскинулась живописно по горамъ и плоскогорьямъ Югская волость, состоящая изъ пяти приходовъ (Шерманка, Успенье, Дмитревское, Ильинское и Григорово).

Всѣ названные приходы не особенно людно населены и не особенно богаты. Можно сказать, что главное (хотя далѣко не вещественное) богатство ихъ составляетъ красивая мѣстность, восхищаться которою, впрочемъ, нашъ пошехонскій крестьянинъ, вѣчный труженикъ, едва-ли станетъ: до того-ли ему, утомленному заботами о кускѣ насущнаго хлѣба! Тутъ ужъ не до поэзіи, когда приходится пахать землю да *бить шерсть*.

Битье шерсти исконный промыселъ Югской волости, заключающей въ себѣ, кромѣ означенныхъ селъ, два-три десятка деревень съ населеніемъ до 1,500 душъ. Лѣтомъ здѣсь занимаются хлѣбопашествомъ, а зимою шерстобитнымъ промысломъ почти поголовно (т. е. взрослые мужчины). Есть такія деревни, напримѣръ дер. Покровская, гдѣ изъ 30-ти дворовъ только 2 двора не занимаются тѣмъ промысломъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ.

Въ осеннее время изъ Югской волости выходятъ около 200 человѣкъ-шерстобоевъ. Расходятся они по своему Пошехонскому уѣзду, а также и по ближайшимъ, сосѣднимъ уѣздамъ: Череповскому, Мологскому, Вологодскому, Устюжскому и Весьёгонскому. Выходъ ихъ на заработки начинается съ ранней осени, тотчасъ послѣ окончанія полевыхъ работъ и уборки хлѣба. Уходятъ небольшими артелями: человѣка два-три, много четыре.

Заработки дѣлятся поровну. Правда, бывають и исключенія изъ этого правила: съ плохонькаго мастера, съ малосильнаго шерстобита или же съ работника, идущаго на промыселъ въ первый разъ, товарищи берутъ небольшой *могарычъ* — рубль или два. Слѣдуетъ замѣтить, что въ шерстобойный промыселъ мальчики на чужую сторону, „на выучку“, не принимаются; въ артель поступаютъ только тѣ, которые уже дѣла нѣсколько поработали, перенявъ отъ своихъ шерстобойное дѣло, къ тому же достаточно сильны, чтобы заниматься имъ съ пользой для артели. Вообще въ нее не принимаются парни моложе 16—17 лѣтъ, на томъ основаніи, что мастерство это хотя и немудреное, неголовомное, но за то требующее большого труда и значительной мускульной силы при битьи шерсти и при каткѣ (катаніи) валенцовъ (сапоговъ).

Каждую осень, съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ, а иногда и ранѣе, приходится видѣть слѣдующую картину: два-три шерстобита пробираются отъ деревни до деревни съ *лучкомъ* на плечахъ и съ *мѣшкомъ*, гдѣ сложены немудреные инструменты: *рѣшотка* съ *сѣтью*, *прутъ* *железный*, *валекъ* и *колодки*. Еще чаще видишь шерстобитовъ, которые везутъ названные инструменты на маленькихъ санкахъ (*дровушкахъ*); одинъ, идущій впереди, тянетъ — везетъ санки за веревку, а другой, его товарищъ, сзади упираетъ въ санки *падогомъ*, помогая везти. Такъ плетутся шерстобиты, напѣвая иногда *пѣсенку*, полную тоски и горя, то о родимой сторонѣ, то о своихъ дѣтушкахъ, то о милой, которая осталась дома. Звуки пѣсни вольно разносятся по разрѣженному воздуху...

Вотъ — и деревня. Ребятишки, замѣтивъ шерстобитовъ, дразнить ихъ, напѣвая:

„Шерстобиты — *лупаны*,

На стѣну скакуны!“

Лупанами называютъ ихъ потому, что они „лупаютъ“ (чистятъ) бараньи кишки, выдѣлывая изъ нихъ струны къ шерстобитному *лучку*, а *скакунами* — потому, что работникъ, бьющій шерсть на *лучкѣ*, становится лицомъ близко къ стѣнѣ и шевелится, покачиваясь, будто скачетъ на стѣну.

У каждой артели есть своя „знать“, т. е. знающая ихъ мѣстность, въ которой не мало селеній, гдѣ они приобрѣли знакомство и пріятелей, зарекомендовавъ себя съ выгодной стороны своей работой. Прибывши въ такую „знать“, шерстобиты заходятъ въ знакомую избу и освѣдомляются о томъ, нѣтъ-ли работъ гдѣ-нибудь по близости и у кого именно. Затѣмъ начинаются работы. Проходя по улицѣ, постоянно слышишь монотонно-музыкаль-

ное бряцанье шерстобойной струны и поющего рабочего... И пѣс-
ня та сливается съ бряцаньемъ струны, замирая въ пустой
улицѣ.

Когда начался отхожій промыселъ югскихъ шерстобоевъ,
неизвѣстно. На вопросы объ этомъ всегда получаешь одинъ и
тотъ же отвѣтъ: „наши отцы и дѣды тѣмъ промышляли и насъ
обучили.“ Несомнѣнно, что промыселъ существуетъ издавна. Это
подтверждается тѣмъ, что онъ имѣетъ патріархальный артельный
складъ, до котораго додумался нашъ рабочій людъ своимъ умомъ —
разумомъ, сложивъ на этотъ предметъ не мало хорошихъ посло-
вицъ: „Въ артели каша гуще“, „Міромъ сдѣлать легче“, „Вмѣстѣ—
спорѣ“, „Міръ вездѣ видитъ“, „Съ міру по нитѣ—голому ру-
башка“ и проч. Извѣстно также, что около Югской волости шер-
стобойнымъ промысломъ занимается значительная часть населенія
и въ сосѣднихъ деревняхъ Вологодской и Новгородской губерній;
всѣ эти деревни плотно ютятся одна къ другой. Хотя онѣ на-
ходятся въ разныхъ губерніяхъ, но даже и тамошніе работники
именуется почти всегда „югскими шерстобитами“, вѣроятно, по-
лучивъ это названіе отъ рѣки Юга, протекающей и по Новго-
родской губерніи.—Всѣ извѣстные намъ отхожіе промыслы, поч-
ти такъ же, какъ и кустарные осѣдлые, находятся въ плотно
сомкнутыхъ центрахъ, „кустахъ“; поэтому-то иногда и бываетъ
трудно отличить, отдѣлить кустаря отхожаго отъ осѣдлаго, тѣмъ
болѣе, что первый изъ нихъ не откажется работать въ своей избѣ,
если есть подходящій матеріалъ и сбытъ для сработаннаго това-
ра. Съ другой стороны случается, что и осѣдлые кустари ухо-
дятъ на заработки въ другія мѣстности; такихъ кустарей у насъ
не мало, какъ-то: сапожники, коновалы, бондари, стекольщики,
портные, шерстобои и проч. Намъ думается, что кустарные виды
промышленности получили свое начало отъ одного лица—мастера,
который научилъ ему сначала своихъ ближайшихъ родственниковъ;
потомъ, преемственно отъ нихъ, стали заниматься тѣмъ же дѣ-
ломъ, убѣдившись въ его полезности, свойственники этихъ лицъ,
а затѣмъ сосѣди и знакомые. Такимъ-то образомъ и устроился
такъ-называемый „кусть“, названіе очень характеристичное, на-
поминающее небольшое растеніе въ томъ смыслѣ, что число се-
леній, занимающихся тѣмъ или другимъ кустарнымъ промысломъ,
дѣйствительно—по сравненію съ числомъ остальныхъ селеній—со-
ставляетъ тоже, что кустарникъ среди безчисленнаго лѣса. Намъ
приходилось слышать, что югскіе шерстобиты, щетинскіе кожев-
ники, клеевщики и проч., называя себя кустарями, выражались
такъ: „У насъ, милый другъ сердешный, деревень—цѣлый кусть;
изстари этимъ промысломъ занимаемся (занимаемся)“.

Не вдаваясь въ дальнѣйшее филологическое толкованіе загадочнаго слова, замѣтимъ, что кустари — хоть и „маленькія спицы“ въ той великой „колесницѣ“, которая называется промышленностью, на спицы полезные, работающіе свободно. Хозяева-кустари не могутъ, конечно, быть сравниваемы съ хозяевами фабрикъ и заводовъ, гдѣ трудятся до кроваваго поту десятки и сотни рабочихъ: у хозяевъ-кустарей, какъ уже замѣчено раньше, находятся подъ руками не большія артели, человѣка три-четыре; но зато они отличаются независимостью, не превращаются въ работниковъ-батраковъ, которые обязаны работать столько часовъ въ сутки, сколько угодно какому-нибудь жестокому самодуру-фабриканту Киту Китучу. — Кустарь, повторяемъ, человѣкъ вольный и работаетъ по своему желанію, иной только часовъ 8 въ сутки, а другой и 18 часовъ, но безъ принужденія, а единственно ради большаго заработка. Народъ цѣнитъ эту „свободу труда“ и предпочитаетъ ее труду фабричному, который воспѣтъ имъ въ нерадостныхъ пѣняхъ...

И у кустарей есть свои любимыя пѣсни, тоже подъ-часъ хватающія за сердце. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ пѣсни нашихъ пошехонскихъ шерстобитовъ:

Ой, ты шерстобитикъ,
Возьми шерстки горстку,
Захвати пучечикъ
И разбей клочечикъ!
Ой, ты шерстобитикъ,
Возьми мягкой шерстки
И скатай сапожки,
Чтобъ не забыли ножки...

Не разъ, говоря съ отхожими кустарями, намъ приходилось распрашивать ихъ о житьѣ-бытьѣ и предлагать имъ кое-какіе совѣты:

— „Гораздо бы лучше заниматься вамъ, ребяташки, у себя дома, не шатаясь по чужимъ сторонамъ.“

— „Экая ты голова съ мозгомъ! отвѣчаютъ кустари: — а на кого у себя дома работать станешь?“

— „Работу привезутъ къ вамъ.“

— „Привезутъ, держи карманъ, за десятокъ, а не то и за сотню верстъ, ни-ни!“

— „Ну, такъ можно дома наработать товару да и свезти его на ярмарку: тамъ купятъ.“

— „Какой же ты чудакъ! Купятъ-то, пожалуй, и купятъ; а на што матерьялъ купишь да жить станешь, коли запасныхъ де-

негѣ нѣтъ ни гроша, а нужда сидитъ въ избѣ—въ переднемъ углу; къ тому же и хлѣбъ въ измаленьѣ. Опять ты повоймуй (пойми): ярмарки разѣ (развѣ) часто да близко бываютъ? Ну, вывези на ярмарку товаръ, не продашь, а ѣсть-то всё-таки захочешь!”

И, говоря это, отхожій кустарь улыбается на неразсудительность совѣтовъ и предложеній вашихъ и, сознавая себя правымъ, добавляетъ:

— „Нѣтъ, другъ сердешный, я хоша и иду изъ родимой стороны, и хоша мнѣ тяжело съ ней да съ семьей разставанье, погорюешь спервоначала, а тамъ... тамъ и поостойдетъ отъ сердца. Пойми: уйдешь изъ дому—ладно, хоша хлѣба домашняго не ѣшь, своимъ оставляешь; ну, и заработокъ кой-какой принесешь домой.“

— „На чужой сторонѣ можно скорѣе избаловаться—на волѣ да съ тоски.“

— „Худой человѣкъ избалуется и дома, а хорошій и на чужой сторонѣ будетъ хорошъ. Такъ-то-сь, другъ. Опять и то раздумай: хорошему человѣку чужая сторона—наука. Наглядится онъ тамъ на добрыхъ людей, на ихніе порядки, вернется въ свою избу и заведетъ въ ней эти порядки. Такъ-то-сь, милый человѣкъ!“

Соображая эти доводы, невольно приходишь къ заключенію, что кустари осѣдлые могутъ заниматься съ успѣхомъ своими ремеслами только тамъ, гдѣ у нихъ есть, такъ-сказать, подъ бокомъ крупныя торговые пункты—губернскіе и значительные уѣздные города съ ярмарками, гдѣ есть судоходныя или по крайней мѣрѣ сплавныя рѣки и желѣзныя дороги. Хорошіе пути сообщенія вообще имѣютъ громадное благотѣльное вліяніе на торговый людъ, къ которому принадлежатъ и наши кустари, очень хорошо понимающіе также, что, кромѣ этихъ удобствъ, необходимо имѣть подъ руками сырой дешевый матеріалъ, изъ котораго они могли бы готовить свои издѣлья, немедленно сбывая ихъ. Такъ это и дѣлаютъ многіе кустари въ Пошехонскомъ уѣздѣ: корзинщики, гончары, санники, овчинники и проч.

Если же для кустаря по близости къ мѣсту его жительства нѣтъ необходимыхъ матеріаловъ, если не имѣется надежныхъ и постоянныхъ пунктовъ, гдѣ онъ могъ бы продавать свои издѣлья, если пути сообщенія представляютъ собою „пути преткновенія“ для нѣкоторыхъ отдѣловъ торговли,—то что же остается дѣлать кустарю? Одинъ исходъ: искать счастья на чужой сторонѣ, за предѣлами такого родного захолустья, какое представляетъ собою Пошехонскій уѣздъ, въ которомъ по нашимъ путямъ-дороженькамъ, по весямъ и дебрямъ, съ трудомъ проходить пѣшеходъ. Не даромъ же у насъ сложились (послѣ земской реформы) пѣсенки, отъ которыхъ наши земцы смущаются:

„Пошехонскія дороженьки,

Что глядите такъ, родимыя,

Какъ сиротки безпривѣтныя

И никѣмъ, знать, нелюбимыя?..“

А вотъ еще пѣсенка, которую мы подслушали недавно, путешествуя въ градъ Пошехонье на земское собраніе:

„ . . . Пошехонскія дороженьки

Непроѣзжими лежать,

И мосты черезъ гати, рѣченьки,

Развалившись, торчатъ...“

Не знаемъ, здоровится-ли нашимъ кустарямъ, ѣздя по такимъ вопіющимъ дорогамъ съ громоздкими товарами на ярмарки и въ богоспасаемый градъ Пошехонье. Сомнительно, чтобы здоровилось. — Что касается кустарей отхожихъ, то они идутъ да идутъ и даже на пути пѣсни слагаютъ... Только какой грустью звучать эти пѣсни!

Остановившись въ деревнѣ — катать сапоги и прочее, шерстобиты предварительно осматриваютъ внимательно шерсть, хорошую отбираютъ отъ дурной. На сапоги идетъ самая лучшая шерсть „поярковая“; но и ее, прежде чѣмъ бить, разщипываютъ (такъ-какъ попадаются непригодные къ дѣлу клочья), потомъ пересыпаютъ мукой, для того, чтобы шерсть при сушкѣ скорѣе раскисла, т. е. сдѣлалась мягче. Послѣ этой операціи кладутъ шерсть сушиться, а затѣмъ она идетъ въ рѣшотку подъ лучекъ; и начинаютъ ее бить, ударяя „напалкомъ“ по струнѣ, натянутой крѣпко на лучкѣ; отъ удара лучкомъ струна, прыгая и издавая звукъ, ударяется о шерсть, бьетъ ее, разбивая клочья, дѣлаетъ мягкою, уничтожаетъ въ шерсти пыль, грязь и муку. Вотъ, наконецъ, образовалась мягкая, пушистая шерсть. Изъ-подъ лучка съ рѣшотки ее сваливаютъ, по сѣткѣ, на лавку. Обыкновенно и въ одинъ приемъ битая шерсть становится годною для катанья; но случается, что ее перебиваютъ второй разъ.

Хорошо выбитую шерсть одинъ изъ мастеровъ тотчасъ же откладываетъ, что дѣлается такъ: на столѣ разстилается толстая холстина, шириною въ $2\frac{1}{2}$ аршина и почти таковой же длины; на нее тонкими пластами накладываютъ мягкую шерсть въ такой формѣ, какую имѣетъ сапогъ, но значительно бѣльшей величины; въ средину этого пласта (сапога) закладывается холстина, имѣющая форму чулка. Затѣмъ на эти первоначальные пласты шерсти накладываются вторые и третьи, укатываемые чрезъ холстину и уминаемые руками; скрещиваясь одинъ съ другимъ, они дости-

гаютъ извѣстной величины, необходимой для мастера, который, перевертывая форму сапога съ одной стороны на другую, придаетъ перстѣннымъ оластамъ видъ толстаго войлока. Убѣдившись въ достаточной толщинѣ его, мастеръ, для болѣе прочной укатки сапога, закладываетъ въ средину его желѣзный пруть, на который наворачиваетъ трубкою сапогъ, вмѣстѣ съ холстиной, и катаетъ по столу, перевертывая изъ стороны въ сторону. Такая работа продолжается до тѣхъ поръ, пока получится видъ твердаго войлочнаго сапога, значительно сокращеннаго противъ прежняго въ величинѣ; не безъ труда онъ свертывается трубкою на желѣзномъ прутѣ. Затѣмъ сапогъ обливаютъ горячею водою или опускаютъ его въ чугуны (котель) съ кипяткомъ, для того, чтобы сапогъ плотнѣе осѣлъ. Вынутый изъ кипятка или облитый имъ сапогъ подвергается еще слѣдующей операціи: въ него кладутъ деревянныя толстыя палки (катки), и затѣмъ начинаютъ его въ мокромъ видѣ катать („стирать“) на деревянномъ рубцеватомъ валькѣ, что продолжается часа 4—5, причемъ изрѣдка на сапогъ льютъ горячую воду. Убѣдившись, что онъ скатался крѣпко и хорошо, въ него вбиваютъ колодку такой величины, какая нужна для ноги, послѣ чего, не вынимая колодки, ставятъ сапогъ въ жарко-нагретую печь, для просушки, и наконецъ очищаютъ его щеткой. Вотъ сапогъ и готовъ.

Въ нашей мѣстности валенки дѣлаютъ изъ сѣрой шерсти, а потому и цвѣтъ ихъ, ничѣмъ неокрашенный, остается таковымъ же. „Сѣрь“ пошехонскій мужичекъ (хоть „умъ-то у него волеѣ не сѣлъ“, по пословицѣ), и „сѣрые“ сапоги носить съ-поконъ-вѣку, ни мало не забываясь о красотѣ, лишь бы теплы были да прочны. Не заботится онъ и объ улучшеніи того ремесла, которое даетъ ему зимнюю обувь. Можно поручиться, что она „доисторическая“. Во время бно нынѣшній Пошехонскій уѣздъ, съ частію Новгородской губерніи, съ уѣздомъ Мологскимъ и проч., именовался „Пошехоніей“, т. е. страной, расположенной „по Шехнѣ“ рѣкѣ, и управлялась сія Пошехонія княземъ Синеусомъ, который сидѣлъ на столѣ княжескомъ на Бѣлѣозерѣ, и носилъ сей князь валенки изъ сѣрой шерсти. О томъ и сказано въ лѣтописяхъ; а если и не сказано, то вѣроятность сего факта не подлежитъ сомнѣнію въ глазахъ туземныхъ археологовъ. Безъ шутокъ: отъ шерстобитнаго промысла вѣтъ, кромѣ настоящей ѣдкой пыли, еще пыль и археологическая, въ чемъ убѣждаетъ насъ первый взглядъ на немудренныя инструменты. Югскіе шерстобиты не вѣдаютъ, да и вѣдать не хотятъ, объ улучшеніяхъ своей профессіи; для нихъ неизвѣстны способы катанья валенокъ, существующіе на заводахъ хозяевъ-кательщиковъ, какъ-то: усовершенствованные лучки, каталки, мочка-варка сапоговъ, окрашивание ихъ краской и проч.

Такая неподвижность, закопѣлость промысла не пріятно поражаетъ наблюдателя, который желалъ бы рабочему люду выйти изъ этой рутины „временъ Синеусъ и покоренья Пошехоніи!“ — Но затѣмъ что же оказывается? А то оказывается, что, не смотря на означенную закопѣлость, неподвижность, всё-таки здѣшніе шерстобиты успѣшно конкурируютъ съ заводскимъ производствомъ. Къ намъ привозятъ не мало сапоговъ, катанныхъ на заводахъ. Кулаки-торговцы пріобрѣтаютъ ихъ на ярмаркахъ нижегородской, ростовской и другихъ; но каждый мѣстный крестьянинъ и всѣ вообще знающіе прочность издѣлья, выходящаго изъ рукъ югскихъ шерстобитовъ, покупаютъ здѣшніе сѣрые валенки гораздо охотнѣе, чѣмъ заводскіе, окрашенные черною краской; между тѣмъ стоимость тѣхъ и другихъ почти одинаковая.

Теперь является вопросъ: ходко-ли, успѣшно-ли идетъ работа при допотопныхъ инструментахъ? Разумѣется, отвѣтъ слѣдуетъ отрицательный: не смотря на усиленный трудъ отъ 16-ти до 18-ти часовъ въ сутки, два мастера едва могутъ скатать и отдѣлать полторы пары, т. е. три сапога, для мужской и женской ноги.

Опишемъ означенные инструменты. — 1) *Лучекъ*, на которомъ бьютъ шерсть, состоитъ изъ *станка* и *струны*; станокъ круглый изъ березоваго или изъ другого крѣпкаго дерева, толщиною въ діаметрѣ 1 вер., длиною отъ $2\frac{1}{2}$ до $2\frac{3}{4}$ аршина; на немъ есть *перо*, т. е. зубецъ, длиною въ 1 четверть, толщиною $\frac{1}{2}$ вершка, вдѣланный въ станокъ съ одного конца на 1 четверть; на такомъ же разстояніи отъ другого конца лучка вдѣлана доска вышиной и шириной въ 1 четверть; черезъ нихъ-то и натягивается струна, закрѣпленная на концахъ лучка-станка. Такимъ образомъ она натянута отъ станка на 1 четверть разстоянія, имѣя въ длину $3\frac{1}{2}$ аршина, толщиною же бываетъ съ бичевку или нѣсколько тоньше гусинаго пера. Ее дѣлаютъ сами шерстобиты изъ бараньихъ кишокъ, которыя они выдѣлываютъ (квасятъ) и очищаютъ отъ жира и мяса, свертываютъ и просушиваютъ. На каждую струну, годную для одного лучка, требуются кишки отъ трехъ барановъ. Лучокъ снабжается ремнемъ, длиною въ поларшина, съ кольцомъ, на которомъ его и вѣшаютъ на стѣну.

2) *Напалокъ*. Такъ называется инструментъ, которымъ бьютъ по струнѣ. Мастеръ держитъ его въ правой рукѣ, а лѣвою придерживаетъ средину лучка такъ, что при ударѣ напалкомъ шерстобить покачивается лучокъ, а жужжащая струна бьетъ верхніе пластъ шерсти. Напалокъ дѣлается тоже изъ березы и имѣетъ форму четырехугольнаго бруска съ вырѣзанною на одномъ концѣ ручкой, за которую его и держитъ шерстобить; на другомъ же концѣ напалка вырѣзанъ рубецъ, задѣвая за который струна сильно

бить по шерсти. Описанный инструментъ бываетъ въ 2 четверти длины и 1 верш. толщины и ширины.

3) *Рѣшотка*, на которую кладутъ небитую шерсть подъ струну лучка, состоитъ изъ дощечекъ и бываетъ длиною въ 5 четв., шириной до $2\frac{1}{2}$ арш.; эти дощечки (деревянные пластинки) связываются въ трехъ мѣстахъ тонкими бичевками, одна отъ другой на $\frac{1}{8}$ вершка, и образуютъ такимъ образомъ небольшіе промежутки, куда, во время битья шерсти, проваливаются на полъ соръ, грязь, мука и прочія нечистоты отъ шерсти. Однимъ бокомъ рѣшотка прикрѣплена подъ лучкомъ къ стѣнѣ, а подъ другимъ бокомъ ставится *разножка*, такъ-что образуетъ видъ жолоба, однимъ концомъ наклоненнаго къ лавкѣ; къ наклоненному концу прикрѣпляется *сѣтка*, подобная мерѣжкѣ для рыбной ловли, связанная изъ нитокъ или сдѣланная прямо изъ мерѣжки. По этой сѣткѣ и сваливается на лавку битая шерсть, употребляемая для катанья сапоговъ.

4) *Жельзный прутъ* (3 четверти длины, толщиной же въ большой палецъ, съ концовъ круглый, а въ срединѣ — вершковъ на 6 — четырехугольный) закладывается (завертывается) въ средину сапога, когда уже шерстяные пласты достаточно укатаны руками.

5) *Деревянный валежъ*, рубцеватый, изъ березоваго дерева; на одной сторонѣ его находятся рубцы величиною въ палецъ; длина валька 1 арш., ширина 4—5 вершек., толщина $\frac{1}{2}$ вершка. Онъ служитъ для катанья мокраго сапога послѣ обливки послѣдняго горячею водою. Отъ укатыванія на вальцѣ и ровной выкладки зависитъ главнымъ образомъ прочность сапога.

Прочіе инструменты, какъ-то: *колодки*, круглыя палки (*чурбаки*), которыя закладываются въ сапогъ, всѣ дѣлаются изъ дерева самими шерстобитами, равно какъ и толстая ткань въ родѣ простыни, въ которую первоначально завертываютъ пласты шерсти и сквозь нее катаютъ — углаживаютъ шерсть руками, дѣлая пласты какъ войлокъ. Всѣ эти шерстобитныя вещи грубы, плохи и незамысловаты.

Шерсти идетъ для сапоговъ мужскихъ отъ 4 до $5\frac{1}{2}$ ф., женскихъ отъ $3\frac{1}{2}$ до 5 ф., дѣтскихъ отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ ф. Цѣна шерсти въ нашемъ краю стоитъ приблизительно такъ: отъ 18 до 23 к. за фунтъ.

За работу шерстобиты берутъ, на хозяйскихъ харчахъ, слѣдующія цѣны: за мужскіе сапоги отъ 60 до 80 коп. за пару, женскіе отъ 45 до 60 коп., дѣтскіе отъ 35 до 40, 45 к.; за скатанье подхомутика 20, 25, 30 к.; за войлокъ односпальный отъ 80 до 90 к., двухспальный отъ 1 р. до 1 р. 25 к. Старательные и ловкіе шерстобиты въ зиму зарабатываютъ отъ 30 до 50 рублей на человѣка.

Въ заключеніе нашего очерка мы можемъ сказать, что для столь полезнаго труда, какимъ мы считаемъ кустарно отхожую промышленность въ нашемъ уѣздѣ, для ея усовершенствованія и развитія артельного единенія, а также съ цѣлью улучшенія способовъ производства и большаго сбыта товара, наконецъ въ видахъ приспособленія шерстобитовъ къ осѣдлости, — нужна помощь со стороны земства. Намъ приходилось много разъ обращаться къ земству, чтобы оно заботливѣе посмотрѣло на кустарную промышленность въ Пошехонскомъ уѣздѣ и, по возможности, оказало ей матеріальную и нравственную помощь. Намъ думается, что земство можетъ съ небольшими затратами поддержать кустарную промышленность такимъ способомъ, о которомъ было мною заявлено на земскомъ собраніи 10-го сентября 1868 года. Вотъ мои слова, которыми я окончилъ докладъ о народномъ образованіи: „Считаю полезнымъ дополнить докладъ мой слѣдующимъ: не угодно-ли будетъ земскому собранію, въ видѣ опыта, при одной изъ школъ пригласить мастера — ремесленника, который обучалъ бы желающихъ дѣтей ремеслу бесплатно? Я полагаю, что расходъ на это не составитъ большой цифры, а именно: мастеру полагаю вполнѣ достаточнымъ назначить за обученіе дѣтей отъ 8 до 10 руб. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы онъ занималъ близъ школы квартиру, куда дѣти и должны приходиться учиться мастерству, одинъ или два раза въ недѣлю. Сдѣланная мастеромъ и учениками работа можетъ поступать въ пользу мастера; но онъ только тогда долженъ получать отъ земства жалованье, когда учениковъ у него будетъ не менѣе 5 человекъ“.

Земское собраніе постановило: „Передать вопросъ о введеніи ремесленности при школахъ въ комиссію“. — Тамъ онъ и обрѣтается до сихъ поръ, вотъ уже почти 10 лѣтъ, въ ожиданіи лучшихъ дней. О немъ не разъ мною было заявлено и въ печати, но — увы! — съ такимъ же успѣхомъ. А, право, пора бы нашему земству подумать о моемъ предложеніи.

Что касается нравственной поддержки со стороны земства, то опять-таки мною было не разъ заявлено словесно, письменно и печатно, что слѣдуетъ открыть въ уѣздѣ хоть одну выставку кустарныхъ произведеній въ ярмарочное время, причѣмъ за лучшія издѣлья выдавать похвальные листы и медали. Всѣ такія предложенія остаются также гласомъ вопіющаго въ пустынь, и кустари отложили всякія надежды на помощь со стороны земства, которому слѣдовало бы войти въ жизнь бѣдняка-промышленника, освѣтить эту темную жизнь разумнымъ словомъ — совѣтомъ и добрымъ дѣломъ — матеріальною поддержкою.

С. Деруновъ.

